А.И.РОМАНЧУК, Л.В.СЕДИКОВА

"ТЕМНЫЕ ВЕКА" И ХЕРСОН: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ИСТОЧНИКОВ

Проанализировав вещественные и письменные источники и дополнив критику источников археологическим материалом, полученным в последние годы, авторы убедительно показали, что в Херсонесе VII–IX вв. жизнь не прерывалась, а некоторый упадок был связан с процессом становления нового провинциального центра средневекового типа.

В докладе на XVI Международном конгрессе византинистов Хр.Бурас, рассматривая причины малочисленности археологических данных о византийском провинциальном городе, отметил, что особенно это относится к периоду "темных веков", относительно которого вопрос о том, были ли непрерывно заселены города, уже 30 лет разделяет историков на два лагеря. В некоторых случаях, подчеркнул греческий исследователь, имеются свидетельства длительного запустения, фундаментальных изменений в характере градостроительства VII–IX вв., в других не присутствуют доказательства их культурной преемственности [1, с. 617].

Среди причин недостаточности археологических материалов следует назвать как объективные – это, прежде всего, разрушение ранних памятников в процессе более позднего строительства, так и субъективные, среди которых на первое место можно поставить то, что "рвение археологов-античников достичь более важных для них нижних слоев уничтожило средневековые уровни" [1, с. 613]. Такое состояние источников делает необходимыми их критическое переосмысление, в частности, выяснение особенностей формирования стратиграфии того или иного поселения, более того, отдельных его участков, условий отложения находок и происхождения культурного слоя, а также анализ хода раскопок, так как на стадии использования и интерпретации археологических материалов исследователь имеет дело с отчетами, в которых фиксируются результаты работ, и при недоброкачественности этой фиксации, отсутствии описания детальной стратиграфии в значительной мере увеличивается субъективный характер археологических данных.

В появившихся в последнее время теоретических работах, посвященных рассмотрению специфики археологических источников, отмечается, что "археолог с самого начала своей исследовательской деятельности, с поля, должен ориентироваться на конкретные задачи или определенный круг проблем, для решения которых понадобится его материал" [14, с. 110]. Замечания, которые делает Хр.Бурас относительно изучения византийских провинциальных городов, показывают, что в большинстве случаев происходила ориентация на "более ранние, представительные античные комплексы". В данном плане вполне за-

© *А.И.Романчук, Л.В.Седикова, 1991*

ISBN 5-12-003267-2. Византийская Таврика. К., 1991.

кономерен вывод, что византийская археология еще нуждается в разработке собственной стратегии и методики [41, с. 152–156], что она переживает период становления и детства [36, с. 110]. Этим можно объяснить и то, почему одни и те же материалы раскопок византийских городов позволяют сделать вывод о "смерти города в VII в." [40, с. 431], в других – используются как один из аргументов для доказательства непрерывного существования города в период "темных веков" [17, с. 109–110; 25, с. 7; 26, с. 38–40].

Вопросы методики археологических исследований были затронуты на XVII Международном конгрессе византинистов в Вашингтоне. Д.Рассел, отмечая наличие упадка, изменения структуры византийского города VII в., но не его исчезновения, привел в перечне методических погрешностей избирательность и спорадичность раскопок, концентрацию их на ограниченной площади, давление ложного авторитета, когда гипотеза возводится в статус исторического факта [42, с. 140].

Одним из примеров "давления" выводов, которые сделаны на основании изучения письменных источников, является датировка слоев разрушения в Херсоне, причиной образования которых считался Корсунский поход Владимира. Наличие в слоях монет, которые в равной мере можно было отнести и к концу X, и к началу XI в. (Василия II и Константина VIII) и которые, следовательно, являлись не более как terminus post quem, склонило исследователей в пользу X в., так как "вынести дату пожарища за пределы X в. невозможно, ибо для начала следующего столетия мы не знаем ни одного сколько-нибудь крупного события, с которым такое пожарище можно было бы связать" [30, с. 14].

Примером "давления" концепции дезурбанизации Византии в переходный период являются выводы об истории Херсона в VII – первой половине IX в. Анализируя немногочисленные свидетельства письменных источников, прежде всего, писем папы Мартина (середина VII в.) и отмечая отсутствие археологических материалов для этого времени, А.Л.Якобсон считал, что в VII в. наступает период глубокого кризиса и деградации Херсона, который в VIII в. полностью обезлюдел [31, с. 27; 27, с. 64].

Одному из авторов настоящей статьи уже приходилось отмечать, что слова папы Мартина, больного престарелого человека, не знающего греческого языка, сосланного в далений причерноморский город, нельзя воспринимать только как негативную характеристику жизни в Херсоне [20, с. 42–55]. В его жалобах на отсутствие продовольствия, дороговизну хлеба в значительной мере присутствует субъективный момент, нельзя не учитывать при этом и того, что первое письмо было написано в летние месяцы, когда до сбора нового урожая жители города могли испытывать трудности в снабжении продовольствием. Но вместе с тем ссыльный папа писал и о торговле горожан солью, о кораблях, прибывших в начале сентября из пределов Романии за грузом соли [39, с. 203 А].

Полностью противоречит тезису об обезлюдевании Херсона в VIII – первой половине IX в., во-первых, рассказ византийских хронистов Никифора и Феофана об участии херсонитов в династической борьбе, приведшей к падению императора Юстиниана II и воцарению Вардана-Филиппика [28, с. 62, 163], во-вторых, описание Константином Багрянородным путешествия Петроны Каматира в Хазарию: будущий стратиг города, отправляясь с дипломатической миссией в Земли Хазарии, пересел в Херсоне на местные транспортные суда [37, с. 182]. Нельзя не отметить наличие печатей херсонесских коммерциариев и архонтов, относящихся к VIII–IX вв. [24, с. 169–170].

Таким образом, рассматривая даже эти очень немногочисленные сообщения письменных источников, вряд ли можно согласиться с тезисом об обезлюдевании Херсона, города, который, скорее всего, являлся достаточно крупным административным и политическим центром в Юго-Западной Таврике на протяжении всего средневековья. В данном плане примечательны два факта, сообщаемые источниками. Никифор и Феофан, описывая ход борьбы Юстиниана II с херосенеситами, говорит, что на помощь городу пришли протастевоны соседних крепостей, защищал интересы Херсона и отряд хазарских воинов [28, с. 64, 165]. Далее, несмотря на физическое уничтожение городской верхушки (протевонов и лучших людей) во время одной из карательных экспедиций Юстиниана II, этот слой горожан сохранил свои позиции и позднее, проводя в начале IX в. независимую политику [37, с. 184], о чем свидетельствует рассказ Петроны Каматиры императору Феофиле. Следовательно, городская верхушка была достаточно многочисленной и экономически сильной.

Но признать непрерывное существование Херсона в период "темных веков" еще не означает выявить его значимость как городского поселения. Говоря о судьбах городов VII–IX вв., наиболее важно проследить характер изменений, специфику проявления функций, присущих городу для данного периода. Существенным является и вопрос о репрезентативности археологических источников, поскольку именно они дают тот материал, на основании которого возможно рассмотрение внутренней истории города.

Решение этих вопросов обусловливает необходимость, с одной стороны, анализа отчетов о раскопках в Херсонесе с точки зрения интерпретации их данных, с другой – введении в научный оборот новых археологических находок. Эти две проблемы обусловливают структуру настоящей статьи, в которой наряду с источниковым анализом присутствует публикация полученного в последнее время материала.

Причины малочисленности археологических материалов для Херсона не отличаются от таковых для других византийских городов, хотя и Херсонесское городище раскапывается более систематически и планомерно, чем территория других провинциальных византийских центров.

Публикуя отчеты о раскопках северного района городища, издатели неоднократно отмечали, что "... находки раннесредневековой керамики крайне слабо изучены. Это обстоятельство являлось тормозом для выявления раннефеодального слоя Херсонесского городища... " [9, с. 213]. Объясняя причину малочисленности находок VII–IX вв., археологи писали, что "полная картина стратиграфии средневековых слоев редко наблюдается из-за разрушений" [9, с. 204], что раннесредневековые остатки малочисленны, так как "они подвергались разрушению при строительных работах последующего времени" [9, с. 90].

Следующий вопрос методического плана, который возникает при анализе отчетов, это, вопрос о том, как отражается реальная действительность в археологическом источнике. Рассматривая этот аспект, следует учитывать: 1) форма проявления и сущность вещей непосредственно не совпадают [18, с. 880] (именно этим обстоятельством объясняется необходимость источниковой критики, в том числе для археологических источников); 2) процесс выявления отраженной в археологическом источнике информации является более сложным, чем при работе с письменными источниками, так как осязаемость, реальность археологических объектов иногда приводит к преобладанию иллюстративного метода, к однозначному выводу: "обилие находок свидетельствует об обитании, об активной жизни на данном поселении", а отсутствие и малочисленность их рассматривается при этом как доказательство обратного. При подобной интерпретации не всегда учитываются те закономерности, по которым информация кодируется в источнике [1, с. 86].

Для античной археологии работами В.Д.Блаватского показана одна из существенных специфических черт отражения в археологических материалах реальной действительности. Исследователь писал, что в "городских поселениях с постройками из камня во время раскопок вычленяются в основном слои, образовавшиеся в результате строительства или разрушений, обычная, повседневная жизнь оставляла незначительные следы в стратиграфии городища" [12, с. 149]. Более того, наличие многочисленных разрушений (и, следовательно, находок из этих слоев) для кратковременного периода являются показателем не высокого уровня построек, сооруженных в период экономического неблагополучия [13, с. 60]. Следовательно, отсутствие находок не всегда является доказательством разрыва хронологического континуитета в существовании поселения.

Слои разрушения ранневизантийского периода на Херсонесском городище были выявлены во время раскопок до 60-х гг. Приведем примеры из некоторых опубликованных отчетов, которые явились источником для доказательства тезиса о глубоком упадке Херсона в VII в. и его обезлюдевании в VIII в.

В 1935–1936 гг. раскапывалась базилика и территория квартала, где она расположена. Автор раскопок Г.Д.Белов отметил: "наиболее

вероятной датой ее (базилики) постройки можно считать VI в., время монументального строительства при Юстиниане I. Следующий период – это XI–XV вв., когда на территории базилики, разрушенной в конце X или на рубеже X–XI вв., возникает кладбище, часовня, в XII–XIII вв. появляются жилые комплексы" [8, с. 137–138]. Обратим внимание на две даты – время строительства и время разрушения: VI и рубеж X–XI вв.* Они свидетельствуют о том, что культовая постройка функционировала в период "темных веков".

Отчет за 1931–1932 гг. также подтверждает существование другой базилики в это же время [7, с. 232].

Подобные примеры можно продолжить: северная базилика [23, с. 314], четырехапсидный храм [16, с. 155–167] и др. Но чтобы быть объективными, следует отметить, что некоторые базилики были разрушены в VIII в. [11, с. 125–126].

В отчете за 1947 г. сказано о наличии преемственности планировки в квартале XVIII, что, по мнению авторов, является свидетельством непрерывности жизни на данном участке [9, с. 216].

Фундаментальность таких построек, как храмы, достаточно высокое качество строительной техники обусловили длительное существование памятников, разрушенных в результате каких-то чрезвычайных исторических или природных коллизий**. В свою очередь, это объясняет отсутствие находок в период между возникновением культового комплекса и временем его гибели: обычная нормальная жизнь не отразилась в стратиграфии участков.

Материалы из слоев разрушения VII – первой половины IX в. (находки 1985–1988 гг.). Образование культурного слоя не могло не иметь отличий в различных районах городища. Это показывают раскопки последних лет, в процессе которых были выявлены слои разрушения, датируемые монетами Тиберия I (578–582), Фоки (602–610), Ираклия (610–641) и Тиберия II (698–705). Принципиальные отличия в наборе керамики (амфоры, столовая и кухонная посуда) в этих комплексах отсутствуют, но они позволяют составить корреляционную шкалу находок, что является одной из ближайших задач в изучении ранневизантийского Херсона. Ограниченные рамки настоящей статьи

---

*В данном случае нет необходимости останавливаться на дискуссии о времени строительства базилик Херсона. Для нашей темы не имеет принципиального значения, была ли данная базилика, как и другие, построена в VI или начале VII вв.

**В работах до 1950 г. эти слои разрушения связывали с походом русского князя Владимира (см. выше). Изучение херсонесских монет В.А.Анохиным и И.В.Соколовой показало, что некоторые типы монет, которые ранее относили ко времени правления Романа I, были атрибутированы не верно. Речь идет о монетах с монограммой Ρ, которые, по мнению В.А.Анохина, начали выпускать не ранее середины IX в. [2, с. 124], И.В.Соколова относит их выпуск к началу XII в. [24, с. 59]. В слоях разрушения, относимых к концу X в., эти монеты встречались, как и в засыпи, перекрывавшей их.

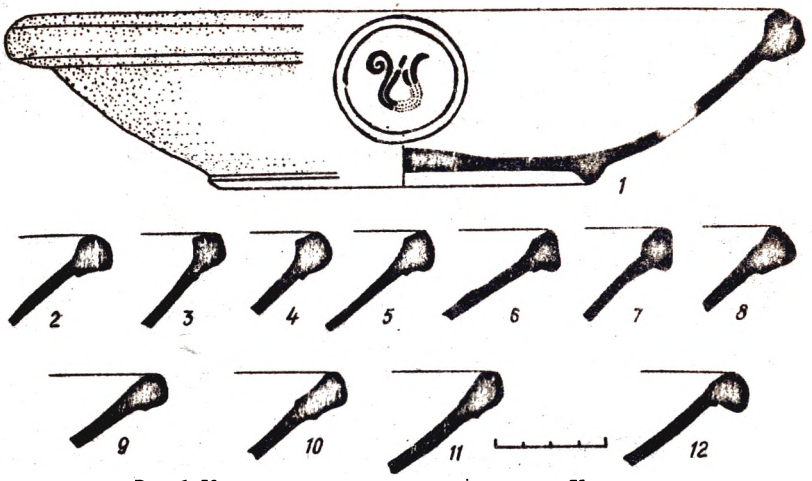

Рис. 1. Краснолаковые сосуды из раскопок Херсонеса

не позволяют дать развернутой характеристики всех новых материалов, в качестве примера приведем находки из слоя разрушения в портовом квартале II (раскопки 1985–1988 гг.).

В позднеантичный период на юго-восточном участке квартала располагалось здание значительных размеров. В его состав входило несколько хозяйственных помещений с пифосами (открыто 9 пифосов) и полуподвальная кладовая. Определить время строительства усадьбы не представляется возможным, подстилающие комплекс слои в настоящее время подтоплены грунтовыми водами. Можно только предполагать, что оно было построено не ранее IV в. Основанием для такой датировки служит кровельная черепица, которая не встречалась в слоях I–IV вв.*

Более определенно можно говорить о времени разрушения здания. В кладовой сохранились остатки кровли, лежавшей на слое угля, перекрывавшего пол помещения. На полу найдены небольшого размера амфоры (объем 2; 5–4,0 л), несколько монет IV–VI вв., наиболее поздняя принадлежала Тиберию II (698–705).

После пожара участок был снивелирован, пифосы засыпаны. В их заполнение попали те амфоры и посуда, которые во время пожара находились в хозяйственных помещениях. Всего в слое разрушения собрано около 50 амфор, относимых к типам, достаточно хорошо известным в Средиземноморско-Причерноморской зоне [4, с. 81–101], кроме того, были встречены кухонные горшки с крученными ручками и значительное количество краснолаковых сосудов.

---

*В работе В.В.Борисовой, посвященной античным строительным материалам (до IV в.), такая черепица отсутствует [13а, с. 151].

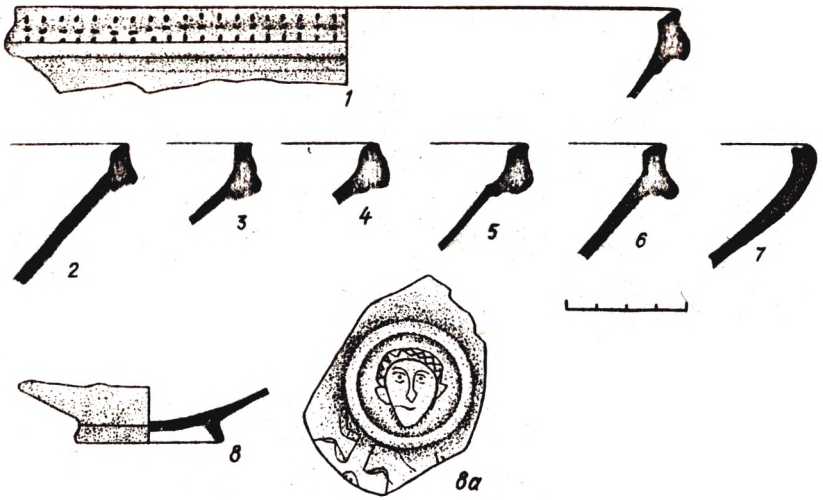

Рис. 2. Краснолаковые сосуды из раскопок Херсонеса

Остановимся более подробно на описании краснолаковой керамики, которая еще не получила достаточного освещения [10, с. 31–38].

Наибольшее количество находок составляли миски на низком кольцевом поддоне с округлыми стенками, валикообразным, массивным краем. По характеру оформления венчика выделяется два варианта: а) миски с округлым бортиком (рис. 1, *1, 2*)*; 2) миски, у которых бортик представляет собой четко выраженную наклонную плоскость (рис. 1, *3, 6*) [34, с. 334, рис. 71, 11–13].

Второе место по количеству находок принадлежало сосудам близкой формы с утолщением, слабо прослеживаемым с внутренней стороны, более четким – с наружной (рис. 1, *9–12*) [34, с. 332, рис. 32]. Черепок кирпично-красного цвета, плотный, из хорошо отмученной глины, с немногочисленными точечными включениями известняковых частиц. На отдельных экземплярах прослеживаются желтые блестки. Сосуды покрыты слоем матового (под цвет черепка) или оранжево-красного оттенка легко скалывающегося лака.

Несколько уступали по числу находок фрагменты патер с вертикальным бортиком, на некоторых экземплярах внешняя сторона бортика украшена насечкой (рис. 2, *1–6*). По характеру оформления бортика выделяются несколько вариантов, близких к включенным Хейсом в форму 3 (варианты В, *5–7*; Е, *14*; Н, *28–29*; Г, *17–23*) [34, с. 209, рис. 60].

*Наиболее близки им сосуды, отнесенные Хейсом к форме 10 [34 а, с. 144, рис. 71, а, б]. Они датируются концом VI – началом VII в. Аналогичные сосуды были встречены на корабле, затонувшем не ранее середины VII в. у Васси-Ада [32 а, с. 549–550, рис. 9].

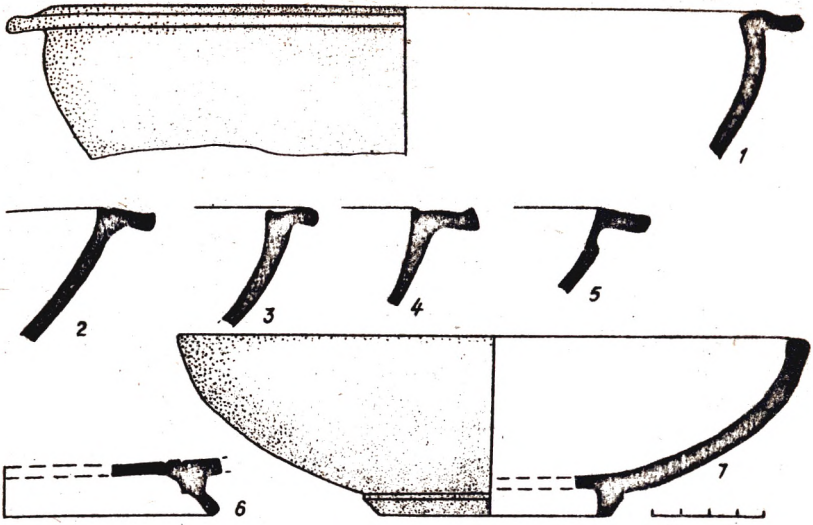

Рис. 3. Ранневизантийские столовые сосуды

Черепок плотный, кирпично-красный с различным количеством точечных включений известняка: от единичных до многочисленных (на некоторых экземплярах), делающих излом черепка пестрым. Покрытие темно-красного цвета, матовое. Исключение составляли два обломка, черепок которых имел коричневый цвет, лак близкого оттенка (рис. 2, *5, 6*).

Вторую группу составляли сосуды с залощенной светло-коричневого цвета (на некоторых бежевого) поверхностью. Черепок плотный, имеет точечные лакуны, в изломе его слабо прослеживаются единичные очень мелкие включения известняки. На основании формы выделяются два варианта таких сосудов.

1. Миски на высоком кольцевом поддоне с горизонтально-наклонным бортиком, украшенным концентрическими врезными окружностями (на некоторых – и по зеркалу дна) (рис. 3, *1–6*).

2. Глубокие миски без четковыраженного венчика (рис. 3, *7*).

Интерес представляет фрагмент дна небольшого сосуда с аналогичным покрытием, но отличающийся структурой черепка: он близок к черепку патер с вертикальным бортиком. На внешней стороне дна после обжига было процарапано изображение мужского лица в фас (рис. 2, *8*).

Столовые сосуды из рассматриваемого комплекса, согласно классификации Дж.Хейса, были изготовлены до середины VII в. в североафриканских, малоазийских мастерских. Этому не противоречит датировка слоя разрушения. От времени изготовления, от периода формирования инвентаря усадьбы до выхода его из употребления (в

данном случае в результате пожара) вполне мог произойти некоторый срок.

Следующий период на участке представлен зданием, часть стен которого сложена в технике opus mixtum. От него сохранилось два помещения, двор с колодцем и сооруженный в этот же период водосток. Следует отметить, что между гибелью усадьбы с пифосами и новым строительством прошел не очень большой отрезок времени: фрагменты амфор, аналогичные встреченным в пифосах, были найдены в растворе, с помощью которого возводились стены, а водосток проложен непосредственно над одним из пифосов. Таким образом, здание со стенами в технике opus mixtum было построено в начале – первой половине VIII в. и функционировало до конца X – начала XI в. Время его гибели достаточно четко определяют находки из слоя разрушения: остатки кровли в одном из помещений, скопление желобчатых амфор и плоскодонных кувшинов с ленточными ручками [32, с. 5–72], монеты Василия II (976–1025), найденные на полу и в засыпи, перекрывающей слой разрушения. Эти находки датируют заключительный период существования усадьбы.

Таким образом, археологическая ситуация, выявленная на юго-восточном участке портового квартала II, с одной стороны, свидетельствует о разрушениях конца VII – начала VIII в., о сравнительно быстром восстановлении разрушенного, непрерывной жизнедеятельности в квартале. С другой стороны, стратиграфия участка поясняет отсутствие материалов VIII в.: из функционирующего здания пришедшие в негодность изделия удалялись и судить об его инвентаре мы можем только по находкам из слоя разрушения, которые характеризуют его последний период жизни, дают как бы моментальный срез.

Хронологическую лакуну в материалах, происходящих из двух слоев разрушения конца VII – начала VIII и конца X – начала XI в., заполняют находки из раскопок бассейна, который расположен к юго-востоку от портового района на расстоянии около 600 м.

Бассейн и здание рядом с ним были открыты в 1885 г. во время работ Военного ведомства. В 1898 г. здесь произвел раскопки К.К.Косцюшко-Валюжинич, предполагавший, что здание с бассейном являются термами. В 50–60-е гг. участок изучался экспедицией Государственного исторического музея. Руководитель ее Н.В.Пятышева связывала постройку с деятельностью Петроны Каматиры, считая, что "начало строительства в первой половине IX в. находит подтверждение в датировке аналогичных зданий с пропущенными в стенках трубами и кирпичными поясами" [19, с. 150].

Датировка бассейна и терм на основании характера кладки стен является сомнительной. Следует отметить, что возникновение opus mixtum восходит к позднеантичной эпохе и использовалась такая кладка в Византии, по крайней мере, до XII в. [38, с. 11]. Необходимость полного изучения памятника вызвала новое обращение к его раскоп-

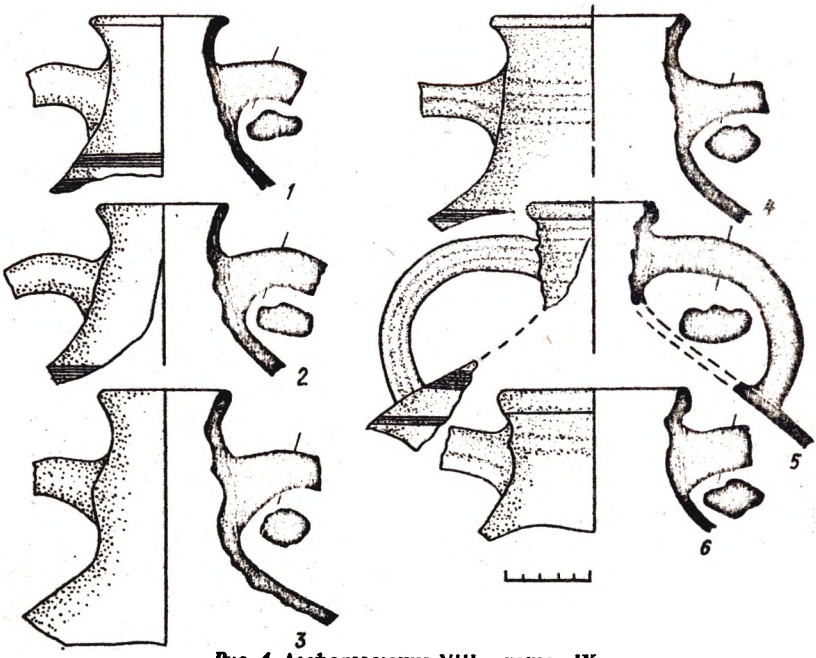

Рис. 4. Амфоры конца VIII – начала IX в.

кам. С 1987 г. здесь начала работать экспедиция Херсонесского заповедника, что позволило выявить структуру заполнения бассейна.

Нижняя часть засыпи состояла из мощных спресованных напластований грунта, различавшихся лишь количественным соотношением входящих в них мусорных отложений: мелкий и средний бутовый камень, строительный раствор, кости животных, раковины моллюсков, угли, зола и фрагменты хронологически однородной керамики. Верхний слой засыпи бассейна, образовавшийся в результате проседания грунта, характеризует жизнедеятельность на данном участке в XII–XIV вв. Этот слой удален во время раскопок Н.В.Пятышевой. Возможно, именно поздние находки и ошибочное отнесение техники opus mixtum к IX в. вызвали некорректность датировки всего комплекса, хотя отдельные виды керамики VIII–IX вв. встречались и во время раскопок 60-х гг. [19, с. 151].

Изучение заполнения бассейна на полную глубину показало, что подавляющее количество находок – это амфоры причерноморского типа с мелким зональным рифлением (рис. 4) и амфоры, украшенные зонами мелкого рифления, между которыми расположен гребенчатый арочный или волнообразный орнамент (рис. 5, *7–8*). Подобные амфоры хорошо известны не только по раскопкам в Херсонесе, где были найдены печи по их производству, датируемые VIII–IX вв. [32,

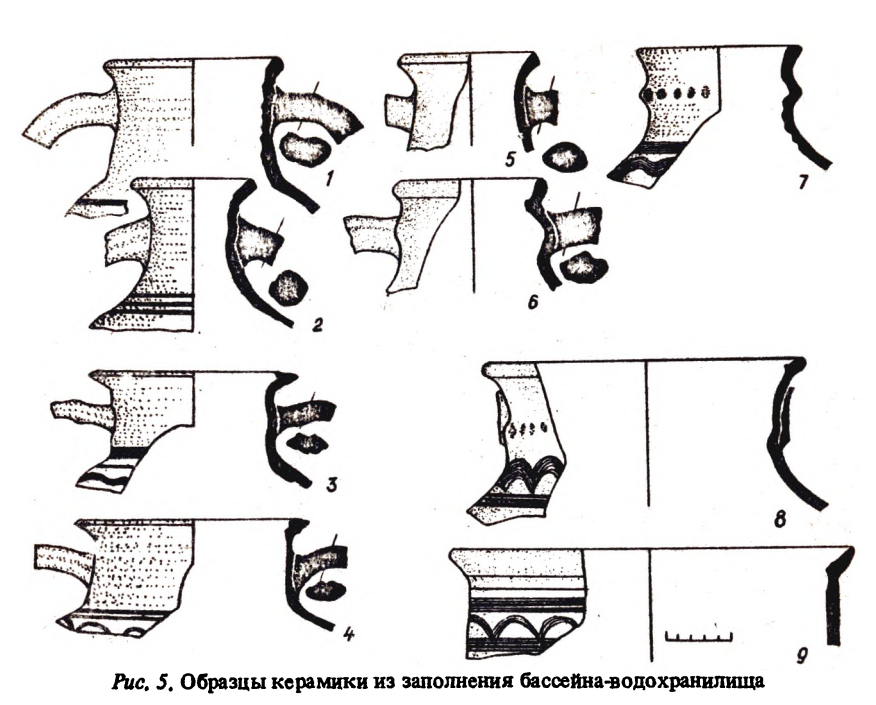

Рис. 5. Образцы керамики из заполнения бассейна-водохранилища

с. 30], но и по раскопкам во многих иных пунктах Крымского полуострова [5, с. 112; 32, с. 31].

Единовременными указанным амфорам можно считать большие тарные сосуды типа кастрюль, орнаментированные врезным линейным и арочным орнаментом (рис. 5, *9*; 6, *2–6*).

Наибольший интерес среди керамики вызывает посуда с росписью белым ангобом. Эта группа выделяется нами только по орнаментальному признаку, поскольку формы ее чрезвычайно разнообразны. Это амфоры (рис. 5, *1–6*), большие "кастрюли" горшочки (рис. 6, *6*), кувшины и ойнохои (рис. 7, *9–11*). Керамика с росписью ангобом достаточно часто встречается во время раскопок поселений и могильников VII–IX вв. в Юго-Западном Крыму [21, с. 221], но находки ее в Херсонесе до сих пор были малочисленны. В засыпи водохранилища она встречена в большом количестве. Структура черепка и, прежде всего, находки керамического брака свидетельствуют о местном производстве подобных сосудов. Несомненно, изделиями херсонских мастеров являются горшочки, украшенные волнообразной врезной линией (рис. 7, *1, 3–5*), тарелка с врезным изображением (рис. 7, *6*). Кухонная посуда представлена горшочками, имевшими характерную деталь – вдавление пальцем в месте крепления ручки к венчику. Из индивидуальных находок наибольший интерес

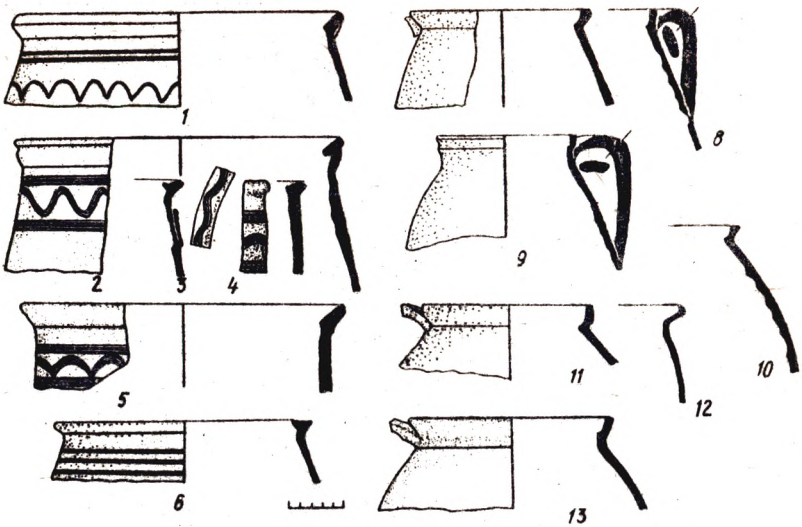

Рис. 6. Образцы кухонных сосудов конца VIII – начала IX в.

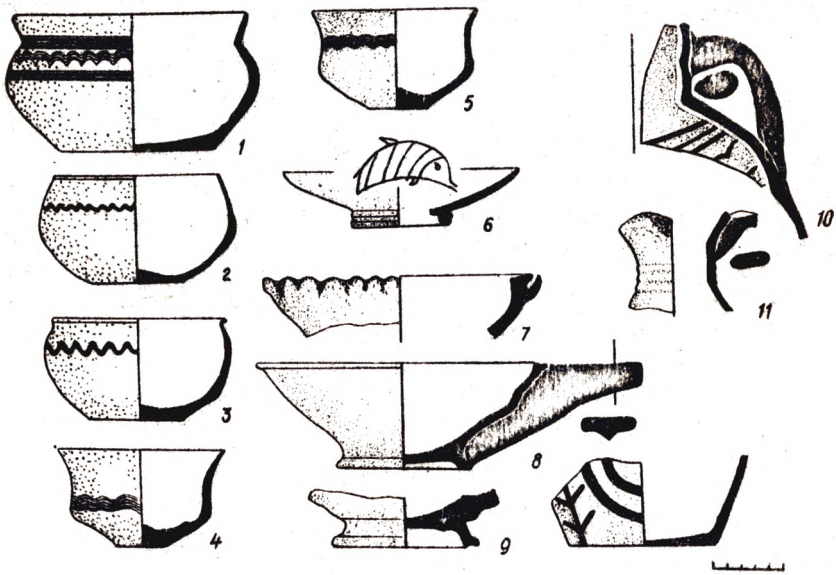

Рис. 7. Образцы керамики из заполнения бассейна-водохранилища.

представляет фрагмент резной керамической курильницы (рис. 8) и вотивные сосуды с надписями, выполненными в процессе их изготовления.

Нумизматический материал немногочисленен и не отличается хорошей сохранностью, наиболее поздняя монета – Юстиниана II (705–711).

Анализ находок и структура засыпи свидетельствуют, что она образовалась в сравнительно небольшой хронологический период. В бассейне найдено три небольших фрагмента глазурованной керамики, получившей распространение в Херсонесе, начиная с IX в., в то же время отсутствуют находки кувшинов с ленточными ручками, датируемых IX–X вв. Соотношение керамики и монет позволяют отнести образование засыпи к началу IX в., но керамическая коллекция датируется несколько более ранним периодом. Итак, бассейн, скорее всего, перестали использовать в начале IX в. Для истории градостроительства и собственно истории Херсона в данном случае важным является решение двух вопросов. Каковы были причины, обусловившие прекращение использования бассейна? Когда возник данный комплекс? По состоянию раскопок на сегодняшний день ответить на последний трудно. Для этого необходимо полное изучение участка. Но с определенностью можно говорить, что его строительство не было связано с деятельностью Петроны Каматира; причиной прекращения функционирования бассейна могло явиться поднятие уровня моря, которое по данным геоморфологических исследований приходится на IX в. [6, с. 55]. Это привело к проникновению засоленных грунтовых вод в водный резервуар. Кроме того, развернувшееся строительство и обновление линии фортификации Херсона в первой половине IX в. [3, с. 102–118] не могли не вызвать необходимости нивелировки участка, расположенного в непосредственной близости от оборонительных стен.

Оставляя в стороне ответ на пока еще недостаточно изученный вопрос о времени функционирования рассматриваемого комплекса, отметим, что полученный в ходе раскопок материал чрезвычайно важен. Он, с одной стороны, заполняет лакуну в хронологической шкале находок ранневизантийского Херсона, с другой – свидетельствует о выпуске стандартной продукции местными гончарами и, как показывают раскопки в Юго-Западном Крыму, не только для узкого городского рынка.

Итак, какие же выводы методического плана позволяет сделать анализ стратиграфии Херсонеса?

1. Отсутствие находок не всегда является показателем запустения поселения. Раскопки значительных по площади городских территорий могут привести к обнаружению недостающих хронологических звеньев, а изучение стратиграфии – объяснить причину их отсутствия.

2. Наиболее четко в ходе раскопок византийских городов, как и античных, выявляются следы разрушений и строительства, которые не отражают всей истории поселения.

3. Формирование культурных напластований отличается на различных участках городища, что вполне согласуется со спецификой жизнедеятельности, отражающейся в периодизации строительства.

4. Археологические материалы Херсона не противоречат показаниям письменных источников, которые свидетельствуют о непрерывном развитии данного поселения.

Но констатация наличия территориального континуитета не означает, что в городе переходного периода не происходили кардинальные изменения, которые на определенной стадии могли породить некоторый его упадок. Для византийского провинциального города VII–IX вв. чрезвычайно важно объяснение характера этого упадка: проявлением ли это дезурбанизационных процессов или то, что мы называем кризисом VII в., являлось в плане городской истории рождением новых черт, обусловленных изменением значимости городских центров в экономической и социальной сферах.

Стремясь показать, что жизнь на Херсонесском городище была непрерывной в течение VII – первой половины IX в., мы привели те источники, которые свидетельствуют в пользу этого тезиса, поэтому отметили внешнеполитическую активность горожан, наличие связей Херсона с землями Романии* для середины VII в. Вместе с тем следует отметить, что археологические материалы свидетельствуют о превращении Херсона из города, куда "жадный купец свозит все богатства Азии" [35, с. 63, *8–16*], в местный, региональный центр. Если до середины VII в. мы видим значительное разнообразие тарной керамики, распространенной в Средиземноморско-Черноморском бассейне, то для периода второй половины VIII–IX вв. ареал однотипных находок – это только памятники Таврики, кроме того, и количество видов амфор резко уменьшается. Нельзя умолчать и о том, что Херсонский монетный двор в этот период работал эпизодически, а количество находок монет незначительно [22, с. 7]. Последнее недвусмысленно говорит об изменении характера связей города и округи.

В свою очередь, это вызывает необходимость постановки вопросов о том, что собой представляло ближайшее окружение Херсона, каков был уровень развития населения ближайших примыкавших к городу районов. Раскопки поселений Юго-Западного Крыма показывают, что их жители наряду с амфорами, изделиями гончаров-профессионалов использовали лепную керамику, не предназначавшуюся для широкого рынка.

Следует отметить также, что в Юго-Западном Крыму в период VII–IX вв. происходили значительные этнические передвижения, которые достигали и стен Херсона. В этом плане показательны данные агиографических источников, в которых говорится, что окрестности города опустошены [29, с. 9–10]. Примечательно и обращение херсо-

*В литературе, посвященной Херсону, это направление связей отождествлялось с южным побережьем Черного моря. В ходе изучения писем папы Мартина, предпринятого О.Р.Бородиным, убедительно показано, что имеются в виду западные районы Византийской империи – фракийские земли, противопоставленные Романии понту (южному побережью) [См.: 13*б*].

нитов в период борьбы их с Юстинианом II за помощью к хазарам, господствовавшим в Таврике.

Комплексное изучение археологических источников позволит уточнить характер связей города и его округи, выявить, что представлял собой Херсон в переходный период*. Для этого необходима, прежде всего, классификация массового материала и создание шкал корреляции, работа по которым для византийской археологии только начинается. Систематическое изучение керамики, изделий из металла и других находок, которые вследствие своей невыразительности мало привлекали внимание исследователей, позволит приблизиться к ответу на вопрос о характере изменений в жизни византийских городов переходного периода, перейти от констатации факта территориального континуитета поселений к анализу их значимости и исторической специфики.

Вместе с тем те немногочисленные материалы, которые имеются в настоящее время, позволяют полагать, что ремесленная деятельность имела место в Херсоне и в VIII – начале IX вв. и что изделия херсонских гончаров находили сбыт за пределами стен города.

Но в то же время два описанных выше керамических комплекса показывают изменения в ориентации торговли. До середины VII в. Херсон являлся одним из центров Средиземноморско-Черноморской торговли, амфоры и посуда этого периода имели широкий ареал распространения. Для VIII в. картина совершенно меняется: однотипная керамика встречается в более узкой зоне – на поселениях Юго-Западного Крыма, где наряду с изделиями профессионалов-керамистов достаточно широко распространенной была лепная посуда. Ареал распространения находок позволяет судить о существенных изменениях в ранневизантийском Херсоне, который из города с межрегиональной торговлей превращается в центр, имевший связи только с ближайшей округой. Возможно, этим и обусловлены те изменения, которые вызывают проявление некоторых черт упадка, но которые свидетельствуют не об обезлюдевании и наличии дезурбанистических процессов, а связаны с рождением нового средневекового города.

1. *Аникович М.В.* О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. – Л., 1988. – С. 73–98.
2. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.). – Киев : Наук. думка, 1977. – 174 с.
3. *Антонова И.А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. – 1971. – Вып. 7. – С. 102–118.
4. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. – 1973. – Вып. 7. – С. 81–101.

*Показывая методические недостатки работ С.Фосса, В.Брандис отметил, что "город" понимается только через его экономические связи с округой или с другими городами [32*б*, S. 612]. О важности этого направления в изучении города, о существенных изменениях в аграрной сфере в переходный период свидетельствуют работы Г.Л.Курбатова [15, с. 100].

5. *Баранов И.А.* Ранняя средневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // АДСВ: Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С. 112–115.
6. *Благоволин Н.С., Щеглов Л.Н.* Колебания уровня моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Крыму // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1968. – № 2. – С. 55.
7. *Белов Г.Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. – 1941. – № 4. – С. 202–267.
8. *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. – Симферополь: Крымиздат, 1938. – 350 с.
9. *Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.* Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.) // МИА. – 1953. – № 34. – С. 160–237.
10. *Беляев С.А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л. : Наука, 1968. – С. 31–38.
11. *Беляев С.А.* Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса: по материалам раскопок 1973–1977 гг. // ВВ. – 1979. – Т. 40. – С. 114–126.
12. *Блаватский В.Д.* Античная полевая археология // МИА. – 1967. – № 146. – 208 с.
13. *Блаватский В.Д.* Об имущественном положении боспорцев в IV–II вв. до н.э. // Античная археология и история. – М. : Наука, 1985. – С. 59–66.
13а. *Борисова В.В.* Керамическое производство и античные керамические строительные материалы // САИ. – 1966. – Вып. Г1–20. – 151 с.
13б. *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма. Рукопись.
14. *Колпаков Е.М.* Проблемы специфичности понятия "археологические источники" // Категории исторических наук. – Л. : Наука, 1988. – С. 99–114.
15. *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 336.
16. *Кутайсов В.А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. – 1982. – № 1. – С. 155–167.
17. *Липшиц Е.Э.* Очерки истории византийского общества и культуры (VIII – первая половина IX века). – М.; Л., 1961. – 483 с.
18. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд-е 2-е. – Т. 25. – Ч. II. – 880 с.
19. *Пятышева Н.В.* Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ. – М., 1969.
20. *Романчук А.И.* К вопросу о положении Херсона в "темные века" // АДСВ. – 1972. – Вып. 8. – С. 42–55.
21. *Романчук А.И., Рудаков В.Е.* Керамический комплекс IX–X вв. Баклинского городища // СА. – 1975. – № 2. – С. 217–232.
22. *Романчук А.И.* Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantino-bulgarica 1981. – Т. 7. – С. 319–331.
23. *Рыжов С.Г.* Доследования "Северной базилики" в Херсонесе // АО за 1981 г. – М., 1983. – С. 314–315.
24. *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л. : Искусство, 1983. – 177 с.
25. *Сюзюмов М.Я.* О роли закономерностей, фактов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // АДСВ. – 1965. – Вып. 3.
26. *Сюзюмов М.Я.* Византийский город (середина VII – середина IX вв.) // ВВ. – 1967. – Т. 27. – С. 38–70.
27. *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. – 1961. – Т. 18. – С. 54–73.

28. *Чучуров И.С.* Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. – М., 1980. – 214 с.
29. *Ягич И.В.* Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72 т. записок Императорской Академии наук. – СПб., 1893. – № 6. – С. 9–10.
30. *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсон (XII–XIV вв.) // МИА. – 1950. – № 17. – С. 256.
31. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – Л. : Наука, 1964. – 233 с.
32. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979. – 164 с.
32а. *Bass G.* Unter Weiter excavations at Yasi – Ada: a byzantine shipwreen // AA. – 1962. – Heft. 3.
32б. *Brandes W.* Ephesos in byzantinischer Zeit // Klio. – 1984. – Bd. 64.
33. *Bouras Ch.* City and village: Urban Design and Architecture // JÖB.– 1981. – 31/2.
34. *Hayes J.* A seventh–century pottery group // DOP. – 1968. – N 22.
34a. *Hayes J.* Late Roman Pottery. – London, 1972.
35. *Jordanis.* De origine actibusque Getarum, 37 // MGH. – AAt. 5. – Berlin, 1982.
36. *Kislinger E.* Gewerbe im späten Byzanz // Handwerk und Sachkultur im Spetmittelalter. Internat. Kongress Krems an der Donau. – 7. bis 10. – Oktober 1986. – Wien, 1988.
37. *Const Porchyr.* De adm. imp. C. 42, 30–35. – G Moravsik P.J.H.Jenkins. – Budapest, 1949. – P. 307.
38. *Mango C.* Die byzantinische Architectur. – München, 1975. – 225 c.
39. *Migne PL. – 1863. – T. 87.*
40. *Patlagean E.* Panvrete économique et pauvreti sociale a Byzance: 3–8 s. – P. 1977.
41. *Rosser J.H.* A Research Strategy fo. Byzantine Archaelogy // Byzantine Studies. – 1979. – Vol. VI. – S. 153–166.
42. *Russell J.* Transformations in Early Byzantine Urban Lifs: the Contribution and Limitations of Archaeological Evidence // The 17 th Internat. Byzan. Congress. – Major Papers. – N.Y., 1986.

Рис. 8. Фрагмент курильницы из заполнения бассейна-водохранилища